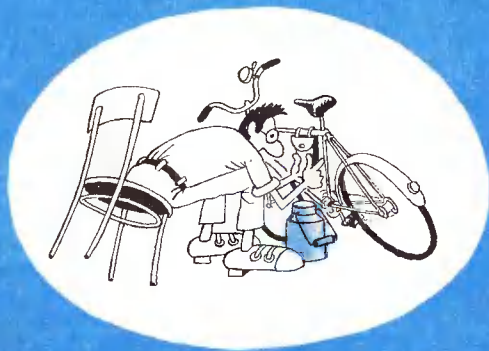

Цена 20 коп.
индекс 72996.

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

9
(806)

АЛЕКСАНДР МОРАЛЕВИЧ

НАД ВЕЧНЫМ
ПОКОЕМ

Что есть жизнь?

Жизнь есть грустное обрастание все большими и большими числами.

Вот пятая книжка автора в «Крокодиле», а что это значит? Это значит, что недавно совсем было автору тридцать девять, а теперь уже сорок два.

И недавно многое в жизни было доступней, и всего лишь недавно в Калининграде, в гостинице «Калининград», ничего не висело и свободно гляделось в раскрытое настёж окно, а теперь висят повсеместно таблички: «Клиент, просим окна не открывать. Одно окно стоит 100 р.»

Что тут сказать?

И в себе уже не открыть окна, и открываешь в себе форточку этой книжки.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 9

АЛЕКСАНДР МОРАЛЕВИЧ

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Дружеский шарж и рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1978

Назначьте классиком

Все. Баста. Хана. Шабаш. И всего-то делов — маленькое усилие над собой, зато какие вослед открываются блага!

Метод найден, брат писатель. Вместо трудного соцреализма раздуем пламя совсем другого течения, и вот уже можно разогнуть согбенную спину, откинуться в полукреслах, вытянуть сведенные ноги и долго смеяться позитивным раскатистым смехом.

Да. Баста. Хана. Метод найден, и не надо теперь, брат и коллега писатель, мучиться и корпеть за столом.

А ведь мучились. Ведь корпели. Страшные были приняты муки.

Конечно, в бытность свою молодым беллетристом (исчисляется до пятидесяти лет) писалось полегче. Вдохновения почаще охватывал, творческий стих находил, внешние помехи не влияли на занятия литературным трудом. Сядешь, бывало, где-нибудь в уголку на артополигоне, обопрешь поясницу на лафет пушки-гаубицы, она сидит себе во все свои 152 миллиметра, а ты пишешь себе, сучишь образную канву, ноль внимания на канонаду и прыжки лафетной станины.

И не то уже стало с течением времени, вовсе не то. Молодым человеком, бывало, личинкой писателя, эмбрионом, так сказать,

беллетриста за лето на сантиметр в глубину тела прозагоришь, напутешествуешься, в одночасье сядешь за стол да и выдашь на едином дыхании монопесу в театр одного актера.

А пропала хватка. И дерзость не та. Жизненный опыт прирос. И не опишешь уже художественно, что вполне позволяло себе раньше, как монтажник Родион и бетонщица Секлетиныя стояли на диабазовой глыбе и руки их сплетались, точно водоросли в проране. Ведь проходило это, на редактора проходило и на читателя, а теперь уже не напишешь, потому что имеется точное знание: ни черта никакая водоросль в проране расти не может. Хотя ты сделай ее из капрона — вода повыверет.

Вот такая безобразная взыскательность к себе прорезается с годами в словеснике, и стало для него писательство — не столько вписывать в текст, сколько вычеркивать из него, и садится окончательный вариант текста, как хлопчатая ткань после стирки и декотировки, и нету его, сошло целиком младое всезнание, какое уж там всезнание, когда тебе до сих пор не удалось дорыться в источниках, как звали двух арьергардных слонов в армии Ганнибала.

Трудно писать, сочинительствовать после пятидесяти. Чу — ребенок где-то шумнул — и утеряна счастливая мысль, и подходишь к окну, долго глядишь в окно, и на тротуаре в этот ранний утренний час возле сводной афиши кино уже вьется толпа затеявших прогулять учащихся; и, оглядываясь, переведа взгляд в комнаты, видишь трехлитровую банку из-под помидоров, на которую вот уж полгода надет женин парик для придания естественной формы, и вспоминаешь, что это уж третья жена, молодая, что полгода никуда не ходили ввиду писательского порыва, никакой личной жизни, и надо бы куда-то пойти... «А вам не хочется под ручку пройтись?» Ну, конечно же, в Литфонд надо пойти, попросить еще ссуду под скорейшую реализацию замысла. Благо и фраза уже приготовлена для литфондовских скаред, замечательно убеждающая:

— Товарищи, да как же резануть мне ссуду под почти готовый роман? Печка, товарищи, должна нагреться сама, прежде чем требовать тепла от нее.

И идет писатель по городу — парафиновая кабинетная бледность лица и витание в неконкретных сферах. И мысли: «Умру, а столько еще не успел воплотить, поделиться наблюдаемым и точным».

Отвратительная картина, и с этим надо кончать. Хватит, коллеги, этой множественности воплощений и желаний поделиться чудовищной суммой наблюдаемого в жизни. Это в конце концов негуманно в отношении экзаменуемых масс школьников и студентов. Подумать только, какую прорвищу тем для сочинений

обрушивает на школьников и студентов один только Пушкин, — так еще и разукрупнять этот ряд? Кто это выдержит, какой школьник, гепетеушник, студент? Это надо уже иметь не черепную коробку, а черепную шкатулку. Нет, надо кончать с этим словотворческим многотемьем и пестроцвьем, с этим вынашиванием замыслов и домами творчества. Нечего писателям загружать собой дома творчества, когда эти дома так любы заведующим секциями трикотажа и свояченицам командиров производства. Долой дома творчества. Писатели — на почту! Урежьте себя от задавания себе вопросов. Вопросов всего два, и они напечатаны на почтовых конвертах:

КУДА?

КОМУ?

Все остальное — наносное.

Странный и нервно изношенный писатель Икс, вы написали повесть, напечатали ее всего один раз, и вот гнете спину над пьесой. Это бред. Зачем вам писать еще? Разве вы не знаете, что есть писатели, которыми напечатано много больше, чем написано? Они есть, и они процветают. Можно вызвать на себя благоденствие, будучи автором всего одного рассказа. Несите его на почту, отправляйте в триста печатных органов — и рыжая нива рублей необозримо заколется перед вами.

Смотрите, сколько печатных органов в нашей стране! Издательства литературные, ведомственные, газеты, многотиражки... Бери рассказ, стихок, бери страну и запускай по ней рассказ хоть по часовой стрелке, хоть против.

Вы, потный стилист Зэт, изучаете реалии в жизни и в публичных библиотеках, вы тревожите ночью звонком дядю жены, дизелиста, чтобы узнать, режется ли ножом обычная соларка в Антарктике или смерзается в камень? Скажу вам: остановитесь в своих изысканиях. Не надо себя изнашивать. В здоровом топтании на месте есть очевидная польза. Сберег себя и не изнурил литературным разносолом читателей переводчик Сандро Тхапсаев, в один день затоварив «Узкими брюками» Мартти Ларни шесть изданий страны, на тысячи км разбросанных друг от друга.

Иван Пьявченко стихом «Мой город» охватил пять климатических зон.

Антон Шриффтшеллер стихотворение «Сверстники» пропустил через книгу плюс тьма газет и журналов.

В. Кошонцева с Амангельды Лукумовым забиновали земной шар, как от флюса, парой стихотворений.

А вы все пишете новенькое, тогда как есть авиапочта с заказными письмами и уведомлением при вручении.

А вы все изматываете себя и вскрикиваете по ночам, тогда

как можно спокойно спать, видя во сне перистые облака и дачные цветы золотые шары.

А вы все выкраиваете минуты тишины и уединения, тогда как можно спокойно жуировать жизнью и временем, садиться перед телеэкраном с рюмкой водки в руке и слушать, как голосом домашнего с печной выюшки вещает телекомментатор:

— Вынимание, вынимание, сегодня у нашей дружины серьезный соперник — «Стандарт», бельгийская команда из Бельгии, тем более судит встречу австрийский судья из Австрии...

Не делайте глупостей, топчитесь на месте. Фелетонисты? Эти писчие бандиты с авторучками наперевес? Они нипочем нам, исповедникам нового литературного метода. Мы в русле легального получения денег. Плагиат? Какой возможен плагиат у самого себя? И не компиляция тоже. Не реминисценция. Выкусите!

Прелесть. И нет никакого разливанного моря литературы, разбегания глаз у книжных прилавков страны, шуршаний оглавлениями и каталогами, что голова идет кругом. Зримо упрощена схема жизни читателей: десять повестей на страну, восемь пьес, тридцать четыре стиха и жменя рассказов. Никакого забивания голов читающей публике.

А если принадоел, приелся стихок (все же не «Буря мглою», не «В рассветном холоде заголубели доли»), то можно название переновлять. Скажем, был у хваткого В. Кулиша стих «Ручей и песня», от множества перепубликаций приелся массам как таковой и вот уже снова взлетел он на шесток «Сельской нови» — «Ручей цыпленком»... А поскольку есть еще издания, возможные варианты: «Ручей ягненком», «Ручей слоненком», «Ручей бочиском» с итоговым «Ручей так».

Точно так и с рассказами. И коли уж чуткий Изольд Навумов подозревает, что рассказ приедается, то обязательно «В тихую стын» сменится у него на «Поединок», потом и «Поединок» тихой сапой переновится, сменив начальные и конечные фразы, потом возникнет «Кадры рассказжут» (он же «Баллада о Семгушкине») и «Полет «Шмеля» (он же «Над границей»).

И тут вам — база прочного писчего процветания, и тут вам — стройная духовная жизнь для читателей неоглядной страны.

Один недостаток метода — большие почтовые траты на авиа. Но если свести знакомство с пухленькой экспедиторшей из какого-нибудь там главка землетрясений и пыли, да будет та экспедиторша законвертовывать тексты в казенных пакетах, то решена проблема. Тьмы печатных изданий будут вами задействованы, возможно, последует назначение классиком, вселенская пригрывает известность, и даже у окулистов в больницах будут таблицы с твоим текстом:

руЧЕЙ Бот ИнКОм

Берегись юза

Товарищ, не откажите мне во внимании. Позвольте прикопать его на четверть часа к животрепещущей воинности.

Всяк живущий на земле боится то того, то сего. Кто боится лягушек. Кто — участкового. Кто — онколога. Нет числа разнородности человеческих боязней и страхов.

Я тоже боюсь. Я боюсь человеческого автоматизма поступать или оценивать события как-либо однообразно. Думать о том ли, о сем ли всю жизнь неизменно. Я боюсь непереоценок ценностей, которые многим производить просто лень, если за этим не стоит ничего зловреднее.

Человек шагает по улице. Совершенно наш человек, плательщик, кружковой самообразованец, семьянин. И вот происходит несчастье: открыт люк мясного отдела в гастрономическом магазине. И человек сверзается в люк, с грохотом, вниз головою скользит по обитому жестью пандусу, вылетая к мясникам на разделочную колоду.

Что с ним будет у мясников? Страшное дело — автоматизм.

Но все зависало авторское перо над бумагой, а не касалось бумаги. Может, зря затевать все это писание? Может, единично это мое отращивание и легкий ужас к автоматизму деяний.

Не единично. И вот я пишу. А разделил мои страхи Дружинин Ю. из Ухты. Он жертва автоматизма в оценках духовной своей категории.

Папа тов. Дружинина, сообщает он доверительно, был мещанином. Мама тоже. Себя товарищ Дружинин считает тоже мещанином — преемственность поколений.

А теперь поковыряемся маленько в вопросе.

Да, может быть, ветхозаветные мещане где-нибудь в Богодухове или Торжке были унылыми лабазниками, мастерами подсолнечного досуга. Сядут, бывало, бабуля с дедулей под древоидной геранью да столь нагрызут скорлупок за вечер, что, выложи их в Арктике темными сторонками кверху, покроют они всю Арктику, и потает ледовая шапка Земли, и второй настанет потоп.

Да, скудны духовными устремлениями были бабушка с дедушкой. Намнутя гречишных блинов, почешет дедушка меж лопаток костяным крючком китайской работы, перекрестятся оба-два на икону «Двенадцатые праздники» да и в кровать с железными шипечками.

А что выходит в силу автоматизма? Так называемая интеллигенция, привыкши травить мещанина, привыкши считать, что в мещанине ничто измениться не может, продолжала шпынять ме-

щанина «мурлом», геранью, периной и семечками. Тогда как? Мещанин уже вовсю крутил патефон, пасынивал зарубежное растение фикус и, приходя со службы, был уже значительно выше того, чтобы просто слоняться по квартире, приставать к членам семьи.

Да, сказать этим интеллигентам, уклоняющимся от переоценки, — мещанин выписывал уже и газеты. Вы спросите его про инициалы Паэнина, и он вам твердо скажет:

— И. Д.

Также радио висело у мещанина на стенке, и рубашу распыской давно он не носит, и наливками не пробавляется — пьет государственную продукцию, подсолнухи не грызет, и работает в самых разнообразных сферах, вплоть до дипломатической. И член ОСОАВИАХИМа он, и на турнике может запросто подтянуться одиннадцать раз — а ему все кричат и кричат:

— Мурло! Мещанин!

Граждане автоматисты и непереоценщики, вы неправы. Зря кричите вы о «мурле» тов. Дружинину из Ухты. Что там дедушка его или бабушка! Даже по сравнению с батюшкой и матушкой совершил он грандиозный духовный скачок.

Просим встать к зеркалу, вы, уничижители мещанского достоинства: чем вы лучше? У вас башмак на платформе? У мещанина ж еще платформистей. А что за мерзость, чем же это пахнет от вас? Да никак лосьончиком «Чебурашка»? А от мещанина пахнет не менее, чем шампунем «Париж-суар-партуз». И рубашка-батник на нем типа «челленджер», и часики электронные взамен механических.

И какая уж там герань, дорогой дружок-обличитель. У мещанина от герани теперь аллергия, герань для него — аллерген. Разве что изысканные сорта орхидей из Латинской Америки разводит нынче мурло, из тех, что растут на востоке бразильского штата Рио Гранде-де-Сул.

И давайте-ка посравнимся в смысле образовательных цензов.

У вас что, педагогический? А у нас университет, биофак.

Ах, вы еще в самостоятельности шлифуете голосовые связки самодельным бель-канто? А у нас два курса консерватории по классу рояля. Ушел, покинул ввиду крепитации пальцев. Иностраный язык? Да так, владеем маленько латынью! Или предпочитаете пообщаться на наречии индейцев-тлинкитов? У нас как раз подоспела диссертация по этой тематике.

Также: что это, мы стоим да стоим? Это ваш мотоцикл «ИЖ-Планета»? Не сезон уже ездить на мотоциклах, вот и осадки идут в виде мокрого снега. А сядемте в мой автомобиль ВАЗ. Вы где живете? В Бибиреве, в седьмой части света? А я тут недалеко, перебиваюсь на улице Герцена. Заедем?

Да-с, вот и мой очаг. Здесь наращиваю свое мурло. Ну, перестаньте же шарить взглядом, я знаю, что вы высматриваете: рыжую фисгармонию, на которой в праздник пасхи я играю «Разлуку». Нету! Заменяю аудиорамой квадрифонической установкой «БЕО-супер». Это как раз звучит Бадди Рич, «Засада в Килиманджаро». Алкоголик, наркоман, хулиган, а дарование до небес. Хотите, прокрутим что поинтеллектуальней? Хотя бы Карла-Гейнца Штокхаузена, «Гимны». За милую душу. И присядем. Так о чем мы с вами поговорим за рюмочкой «Иоганнисберге-ра Лангенберга»? Кстати, помогите, а то я, мурло и передвижная небокопильня, что-то запамятовал. Точно помню, что у летнего чижа 3869 перьев, а вот у зимнего — не то 5894, не то 5893. Не подскажите? Люблю точность превыше всего. И еще: как точно назывался кинофильм — «Леди Гамильтон» или «Люда Гамильтон»? Знаете ли, поспорил со своей собакой, такой смысленный у меня пес. Чау-чау. Он говорит, что «Люда».

И бегут в панике непереоценщики и критиканы от мещанина, скача вниз через пять ступеней, и вслед им несутся:

— Для общего развития книжечку почитать не возьмете? Да не «Исмагил, шах турецкой», не лубок. Мне Кафочка полностью поступил, издание «Харпер и Роу».

Не иначе. И сидят непереоценщики на осенней скамье, поздние листья в косом полете ложатся на скользкие мостовые, где расставлены в пределах видимости по прямой таблички спортсменов «БЕРЕГИСЬ ЮЗА!».

И первым — нет, он никак не софист! — говорит с надрывом и злобной запальчивостью самый горячий:

— Да ведь видно было аж за версту, что встретился нам мещанин с подоплекой из цинизма и гадкости!

— А поди-ка высвети его, что он гад. Ты мотивируй.

Тут приводится мотивация, что не дерзновенен нынешний мещанин, а во всем выжидателен. Держит нос по ветру.

Что расчетлив до тошнотворности.

Написал научный труд за начальника.

Что бороду завел — точь-в-точь у начальника.

И восьмой сезон окуривает от тли сад на даче начальника.

И манеру два раза ухачь после выпития рюмки перенял у начальника.

И если уж взорвется идеей, то никак не большей идеей, чем разместить на банкете столы не буквой «Т» или «П», как то принято, а буквой «Ф», потому что начальник их — Фирдоусов.

И текущесть кадров в действии демонстрирует начальник кому угодно, но не такому светскому льву.

И этот-то светский лев с квадрифонией, отпочковавшийся от кровати с шишечками и патефона, все-таки более всех годен

вымахать в светскую гигиену, отягощенную приязнью к клятвоотступничеству, подхалимажу, продажности и собирательно — к сволочности.

И расходятся непереоценщики ценностей, но все-таки что-то грызет непереоценщиков ценностей применительно к мещанину. Тут все же сбитые в чем-то с позиций, думают люди: Дружинин, мещанин из Ухты, частично все-таки прав. Мещанин — он видоизменился, и в опасную для общества сторону, но, может, все-таки осовременить название? Может, мещанист? Мещанизатор? Мещанёр?

Мещанавт!

Из шомполки без охулки

Что говорить — налицо колоссальные сдвиги. Стоит только вслушаться в разговоры — до чего изменилась тематика! Какой, бывало, несли на досуге легкомысленный вздор, а теперь... Уже и на лавочках, между двумя бэзешками, он вдруг отшатывается и говорит:

— Леокадия, вы не бихевиористка?

— С какой стати? — ужасается Леокадия. — Я надеюсь, и вы не гештальтник?

— Ну, как можно! Не гештальтник, не голый рефлексолог, не фаунист. Мое кредо — экология в экономическом преломлении.

И любовь до гроба.

И на строительстве здания ТАСС, пристегнувшись ремнями,

черт-те на какой высоте перекуривают монтажники, и беседа: — Это, братцы, все рассказы, что ежели баба в тайге потеряется, так не пропадает, а съест ее медведь и потомство у них происходит.

Словом — люди потянулись к природе. Сосание, даже как бы отчасти зуд внутри организма поджигают человека использовать отпуск за семьдесят второй параллелью, в самом северном лесу на Земле — Ары-Мас.

Из кардиологической клиники, с обширным инфарктом убегают на восточно-сибирскую реку Ачунанду бакинский точный механик Эдуард Погосян, и старый ботинок его сердца получает там непонятный ремонт и взбодрение.

И некий научный затворник, насквозь кибернетический и хемофизический, голубая кровь, белая кость, вдруг одалживает рюкзак и уходит в затянутую пластинчатыми туманами даль. Он возвращается в тонусе и небывало общительным, и уже в белом

халате, уже погруженный в проблемы химфизики, вдруг прерывает опыт, говоря с восторгом и придыханием:

— Но, коллеги, вы только подумайте: вши в солсме живут, а клопы ни за что!

Да, все желаемые метаморфозы производит с человеком природа, и если по сценарию девочке в фильме положено плакать, а она все смеется, то нет способа лучше, чтобы она проплакала транзитом две серии, как оторвать у нее на глазах башку ручному скворцу Евсютке, что и делает моментально помреж.

Итак, массы, а за ними и ведомства потянулись в природу. Ковроделы, отступая от прежних сюжетов — ковры «Машинный зал ледокола», «Нефть пошла», «Дева и перс», — ныне ткнут большим тиражом семейство косуль: мама, папа и киндер. Неважно, что олени вообще не образуют семейств, отчего в сюжете есть доля вранья. Важно внимание!

Местная промышленность, от бывлой близости техницизму все еще путая понятия «бивень» и «шкворень», приступила к торопливой резне фигурок млекопитающих и пернатых из моржового шкворня, мыльного камня и древесин.

Кондитеры выбросили на рынок глазированный кекс «Герасим и Муму».

Кинематограф раскошелился на зверосерию «Ну, погоди!». Градостроители воздвигают в парках бетоно-бизонов и оленух. Все внесли свою лепту.

А родная литература?

Здесь хуже, и значительно хуже. Большой писатель еще только подступает к тематике, еще только подсел под махину сюжета и тяжело вскидывает на грудь. Не скоро получит читатель капитальную беллетристику о медведе.

А спрос растет, и ввиду этого в дверях рождается заросшее диким волосом лицо предложения.

— Я, товарищи, естественник и литератор Спартак Бердюшный. Непосредственно иду из лона природы.

И он садится, и редакционно-издательская общественность ошалело разглядывает сбрую естественника. Здесь двойные собачьи унты, меховые штаны с матросским неподдуваемым клапаном, кисет из медвежьей лапы, и действительно от посетителя пахнет дымом бивачных костров, хотя никому невдомек, что дымом он пропитался тут же, на задворках продмага, при сжигании тары из-под яблок «Сент-Джонатан».

Из штанов достает литератор Бердюшный живого ежа и лабораторную крысу, проходящую за полярного лемминга. С таким человеком просто грех не заключить типовой договор. Никому при этом не вспоминается из поэта:

«Дамочка, сидя на ветке,
Пикала: «Милые детки!
Солнышко чмокнуло кустик,
Птичка оправила бюстик
И, обнимая ромашку,
Кушает манную кашку...»

Вдруг прозвенел голосочек:
«Сколько напикала строчек?»

Голосочек в наших издательствах никак не прозванивает. И в договорные сроки повествование издается. И подкованный наш читатель тихо корчится при ознакомлении с текстом, где секач, трепеща крыльями, токует в вершине дерева, а косач, скрежеща клыками, распатронивает тигра корейского. Где зловонная росаха лезет на столб за положительной героиней, и только отличники погранвойск, мастера меткого огня, спасают женщину от лютой кончины.

Приходят письма читателей: «Ув. издательство! В приобретенной мною повести «Из шомполки без охулки», толстой, есть много мест. В одном месте среди метели мелькнул черной молнией соболь, поймал глухаря и съел. Сообщу, что вес среднего глухаря бывает нетто 4,5 кг, поэтому о каком-то боле может идти речь, если и всем редсоветом вам не съесть глухаря? Также прошу разобраться, кто конкретно мелькнул в метели, поскольку соболь в ненастье на свет носа не кажет».

Тут крыть нечем. Происходит, естественно, заминка, конфуз. Но спрос подпирает, а коль он подпирает, появляются еще сочинения в трех типичных ключах:

1. «Шел я тундрой, песни пел, мне песец сапог проел».
2. «Шел я джунглей, песни пел, тигра мне наделал дел».
3. «Шел я Клязьмой, песни пел, в травостое цвел прострел».

Дань времени — в этих сочинениях никто не стреляет. Начинаясь они разны, но кончаются показательно одинаково. Первый тип сочинения — от имени глубинного мужичка (держак, семейский, гуран). Глаза его уже выцветают от возраста, но неистребимо горит в них рачительность:

«Однако по серому-то свету выбрался я из ночуйки. Низовик воду моршилит. От стойбища до лежбища далеко иттить. Собачка моя стомчивая, легит, не может. Ух, болесть наша, тундра-тайга! Захрясло, закутило, закуржавело. Пропитошно вода в ичи поступает, а на что уж кожу ладил — барловую, с зюбровой шеи, в самый рев упроворил. Эт-ты, талану бы мне да фарту на седни — зверишку ткнуть. Ужо всю полнолунию до черного поту бегамши, а неперка идет, нефарт. Во б дак вывалился зюбрь, пан-

ты лобные сыму, «ти-шоу», по-китайски сказать. Васье, студенту, стегно подкопчу, пошлю. Студент — пишша какая, сорок метров кишок, все поют. Опеть же подумать, пантов об это время на зюбре кило три наростет. Кадемикам престарелым пантокрину наварют, сядут они в кадемии, во лбу-то пошарят, а мозга враз ясная от пантов. Ить сила, чего тоды напридумают! А невдомек кадемикам, что Фока, упыришша, те панты стрелил, споспешествовал. Мня не трожь, мня вроде пошшупать — дак дедок я прорушный, а я самый и есть-от валютный цех стракы!

Чу — базланть чтой-то по ерникам, с гольца хряск пошел. А вона оно — медведица с сеголетками. Осарапнуть такая может даже запросто, а меня не замает, ничо. От лесного скитания во мне дух пошел всамделишно медвежий, самцовый. У медведицы враз баловство на уме, а мне зюбря опромислить надо. Геть, геть!

В сиверах почал я курумы мантулить. Ну, гля, Фока — бойсь не узриты! Да чо — враз узрил. Сторожкий зюбрь, панты богатеющие. Скрал я его, по лопаткам выцеливаю — ан солнышко глянуло по-над хребтик. И скажу вам — стоит этот зюбрь, солнцем обливной, красно-медный. И накатило тут, до подпунья дрожь прошибла: Фока! Что тебе все кадемики? Синтез им учинят какой-никакой, пантам быдто подмену. И студент без стегна не загинет, полуфабрикаты в городе лепят. И можешь ли ты, чесотка норвежеская, красоту такую жизни решить? Тут бросил я трехлинейную оземь, и застило мне глаза, набежало чевой-то, а на вошупь — мокреть».

Такового излагает экзот. Есть также два других типических стиля: нечерноземно-полосный, с теплым юмором, и научный.

Нечерноземным стилем пишет свой парень, погодок, горожанин до мозга костей, но уже и дока в природе:

«Предприятие наше кооперативное, многопрофильное. Под одной крышей соковыжималки, раскладушки, баллончики для сифонов изготовляют. Я для раскладушек трубы сгибал, то через колено гну, то на шею. Здоровый я был безмерно, что вдоль, что поперек».

Тут избирают меня в местком. Сева, говорят, человек ты лирический, будешь больных навещать, вселять бодрость. Отвод я не сделал. Надо так надо.

И вот здесь куда что девалось. Восприимчивый я. По больничным покойам хожу — чего только не подцепил. Первоначально свалился с дистигтом, весь лиризм от него растерял. Только встал на ноги — пошло: ОРЗ, аритмия мерцательная, то вдруг адские боли между большим пальцем правой ноги и большим пальцем левой ноги. Таю на глазах. В месткоме забегали: Ессентуки, Кодры, Майори, Булдури, — а не помогает ничто. Гасну. Спасибо, надоумил меня один экспедитор. В стогах, говорит, тебе бы

поспать, кострового супа поесть, вникнуть в жизнь древоточцев красногрудого и золотистовелосого.

На первый взгляд чушь, но пошел. Травы изучил: тимьян, бадаи. Видел, выдра ночью купается. Выдра всюду живет, кроме Австралии. Маленькую рыбку в воде жует, с большой на берег плывет.

И такое странное дело — вернулось в меня здоровье. Однако не бросил я своего целебного хобби. Как образуется окошко во времени, так и еду в деревенскую местность. То на попутках, а то пароходиком. Знай свой край! А на пароходиках команда варит уху, помещая ведро внутри дымогарной трубы. Пикантная вещь, но единственно плохо, что труба всегда высоко, а центр тяжести пароходика низко. Вот от этого и амплитуды качания навар сохраняется только в штиль, тогда как в иные погоды уха поствозата.

Таким вот образом приплываем мы в село Сваричовское. Давно не проводывал я популяции здешних горихвосток.

Подлесок начался, серый дрозд двусложно кричит. Этот дрозд мне известен, и озадачился я, отчего он двусложно кричит.

Страшное дело! Сквозь кусты бересклета увидел я, что крадется к гнезду человек. Подозрительным и знакомым показался он мне.

— Ни с места! Ни с места, товарищ Пашутин! — крикнул я.

— Кто здесь знает меня? — спросил начальник нашего главка.

— Я, трубогибчик одного из еверенных вам предприятий, Самохин. Покиньте местность, товарищ Пашутин. Вы орденоседец и семьянин, а разоряете гнезда пернатых! За это в Швеции два года дают!

— Не шуми, Самохин, — говорит он, — птицы на гнездах. Мне только одно яйцо и надо, для закрытия коллекции яиц вьюрковых и воробьиных. Цель жизни. Я тебя в Геную на конгресс трубогибчиков командирую.

— Нет, — говорю я. — Не поеду я в Геную. Генуя — это Италия, а в Италии харчевни есть, траттории, там певчих птиц пожирают в невероятных количествах. И дрозда вы не трогайте. Он двенадцать тысяч миль пролетел.

— Тогда я уволю тебя, Самохин. Сколько у тебя непрерывного стажа?

— Сколько есть — весь он мой! — сказал я и желваками играю. И дрозд-самец подлетел, сел на гнездо, отчетливо знает, что здесь не Италия, за него постоят.

И почувствовал я прикосновение к плечу: подошедший начальник главка Пашутин дружески обнимал меня.

— Извини, Самохин, — сказал он. — Ты преподавал мне предметный урок общения с живою природой.

— Да чего уж... — сказал я, и что-то дружно застлало наши глаза.

— Спасибо, товарищи! — сказал внятно дрозд.

И у нас остается ученый. Это поток сознания, все на «вы» и точные данные.

— Не гоните машину, Энрике, — сказал я водителю. Его стриженный затылок мотнулся в семантическом значении «да», но оборотов он не убавил. Машина круто взбиралась вверх, становилось свежо. Лобовое стекло сильно потело. Ну, конечно, на последнем привале Энрике снова хлебнул любимой национальной настойки на скорпионах. От этого он так гонит, от этого потеет стекло под его дыханием, ибо одна молекула спирта притягивает шесть молекул воды.

Я знаю Дальний, Ближний, Средний и еще два Востока, я знаком с одним далай-ламой и двумя панчен-ламами, но нигде не наблюдал я такого заката, как тут, разве только тогда, на острове Ионы при изучении удельного веса головоногих в погадках кайрят.

Кайрята... Как далеко все это. И заросли черемухи Маака с корой, как березовая, только кофейного цвета. Кофейного цвета был сарнюр, левый передовой олень в упряжке. Олени всегда рвут с места бегом, надо знать эту повадку и успеть прыгнуть в нарты, чтоб не остаться. Дышат олени на бегу альвеолярно и шумно. Незнающему человеку покажется, что олени смертельно устали уже на первых ста метрах дороги, но это не так. О, медвежья когти памяти!

— Остановите, Энрике... Мне показалось...

Это было невероятно. Я вынес штативы, магнитофоны, фото вспышки и кинокамеры. На юго-восточном склоне вулкана Турьяльба сидел потрясающий экземпляр жабы. По тени, отбрасываемой ею в лучах заходящего солнца, я определил длину ее в 96,753 см. Я достал секстан, определив широту, красоту и долго-ту этой встречи. На пленке «Леверкузен» оптикой «Хассельблад» я снял привычные станции жабы. Затем Энрике щекотал ее брюхо штативом, и я записал на магнитофон гамму звуковых модуляций. Внешне жаба была похожа на *Bufo melanochloris*, такую известную нам по тропическим лесам Коста-Рики, но эти размеры! Ни один зоологический музей мира не мечтал ни о чем подобном.

Я вынул инструмент умерщвления и шагнул в ее сторону. Она сидела — монолитная, изваянная. Это было величие Медного всадника, эталон генофонда. Рука моя повисла безжизненно.

— Не открывайте багажник, Энрике. Поедем.

Он с изумлением посмотрел на меня, этот неон, привыкший к

тому, что белые привыкли грабить национальные богатства его краев.

Как слепой я дошел до машины, и Bufo мурлыкала за моей спиной. «Будь счастлива!» — хотел крикнуть я, но горло перехватило, и что-то...

Вы догадались?
Застлало глаза!

Кота в мешке

Поставим перед собою вопрос: каков коэффициент удачи у обиженных судьбой?

Низок, низок коэффициент, и еще он будет играть на понижение. Много есть к тому предпосылок, и динамика примеров для подтверждения возрастает зримо и сильно.

Итак, речь пойдет о мешках и котах. О большом взлете многообразной мешочной индустрии, ибо с котами в мешках в наше время происходят странные вещи. То есть почти иссякли коты, годные для очного, без упаковки вручения. Этого не сбыть — генетический дефект, у того — фонетический, соматический, плешь в подшерстке, разноглазие, криволапие, нечистоплотность и вонькость — а сбывать с рук надо всех. А коль уж надо сбывать, то не проводить же разноглазие с вонькостью по разряду арифметики «пишем». Тут как раз подходит разряд «в уме» и мешок для сокрытия неблагополучий.

Итак, нынче спрос на конкретность. Спросен факт в беллетристическом фантике. Вот:

По недосмотру, безо всякой там селекции, вырастает некое диво природы и зодчества, как, скажем, на Каспии санаторий «Хабар». И вот смотрит саратовский житель Ильин на цветной проспект санатория, на пометку «Для больных с заболеваниями органов кровообращения и нервной системы». И думает Ильин: это как раз для меня. Все ясно по цветной фотографии здравницы: пляж под боком, лежаки, киоски на берегу с мороженым и периодикой, вечнозеленость аллеи, бронзовые фигуры бывших нервных и кровообращенцев с изъясном.

Тут идет Ильин куда следует, берет за сто шестьдесят рублей путевку.

Ау, соотечественник наш Ильин, где вы, бронзовый, оптимистический, с чем-нибудь цитрусовым в руке?

Чу, вот он стоит, наш Ильин, темен лицом, на манер капита-

на, Билли Бонса в дверях меблированных комнат «Адмирал Бен-боу», когда Черный Пес вручил Бонсу «черную метку».

А что он держит в руках, этот Ильин, с чем он сличает местность? А сличает он местность с цветной фотографией, которой «Хабар» себя представляет. На фото до моря — пара шагов зелени и асфальта. В жизни до моря — гора за горой песчаные дюны. Такой рельеф местности любят контрабандисты, но никак не инвалиды войны, которые, прибыв сюда с нервностью и преодолев раза три дюны, немедленно кровообратно нарушаются, а преодолев то же с болезнями сердца, становятся нервной соли-стов балета.

Жалко Ильина. Но не столько мы закричим: долой несоответствие «Хабара» фотографии и даешь лечение, а не внедрение эмоций в лечебный процесс (случай частный), — сколько закричим обобщенно:

— Долой фотографический охмурей, чего бы он ни касался!

А именно на этом участке лавинно прирастают успехи по всучиванию нам разнообразных котов: механических, пищевых, фаянсовых, тканых, печатных... В багровом свете фотолaborаторий, бултыхая пальцем по ванночкам с реактивами, обеспечивают налет на ваш кошелек большие мастера рекламного фото, колдуны ракурсов, недодержек, размывок и глубин резкости. Каких котов в этих глянце-вых мешках отхватите вы! Шило, как говорится, за мыло! Труссы за часы!

Поэтому, кто бы вам ни предлагал, какой бы каталог — дело-производитель, консультант, продавец — проспект: «См. фото» — дьявольски критично см. это фото. И задавайся вопросом не о том, гол ли король, а есть ли король вообще.

Конечно, ковыряние в проблеме — деликатная вещь, не рубка лозы в конном строю. Одернем огульных и одернем вульгарных.

«Пишу вам Елагин из Тикси: доколе, девушка, у нас будет кот в мешке? Надо ввести ей признаки, какие ни есть (нашивки?), чтобы знать, на какую тратить время и подходить, то есть свести до минимума число муцинских осечек, отчего мужчины помнеют много дополнительного времени для героической борьбы со стихией лесотундры. Осечки же имеют место, поскольку я шел за одной 6 км по пересеченной местности, с виду она полностью девушка, как на 7-м км она говорит: «Что вы шьетесь ко мне, гражданин, я детная и замужняя».

Это вульгарно, Елагин из Тикси. Чего вы хотите: подойти, взглянуть на нашивки и знать: невинна, колеблется между Хилем и Ободзинским, оспа привита, любит стряпать мучное, зовут Вероника Пюре? Нет, Елагин, не будем мы требовать от законодательных органов введения нашивок для дам и девиц. А так-

18

же — в ряд с дамами — пусть книга, спектакль, кинофильм, выставка скифского золота остаются котом в мешке. Ведь недаром же телевидение только лет через шесть после выставки, книги, фильма, спектакля повторяет, разглашает их на экране. Почему такой избыточный срок? А дают широким слоям самолично распечатать мешок и взглянуть на кота.

И знаем мы, всем неприятно, когда кто-либо услужливый пытается пересказать содержание нового фильма, книги.

— Придержите язык! — кричат ему. — Мы еще не ходили, не лишайте нас удовольствия!

Да. И билет «Спортлото» пусть будет котом в мешке. И облигация. И карточка тотализатора. И экзаменационный билет.

Но почему же автомобиль — кот в мешке? Ведь именно котом в мешке получаете вы машину. Пробный пробег вам скажут, совершить по уму не дадут. Не дадут проверить машину на стендах, на яме. И при этом натравят на вас остальную клиентскую очередь: что, граждане, истомились вы ждать? А это вон из-за него, плоскомордого. В нутро, видишь ли, ему надо влезть. Будто не за семь тыщ «Жигулишки», а «Порше» покупает! (Хотя как раз по этой причине, что тут «Жигули», а далеко не «Порше», машину надо проверять и смотреть.)

И быстро вырвут вас за ворота с покупкой, и в первый же ливень непроверенный автомобиль потечет у вас сверху и снизу, и вы отгоните его в «Автоцентр». Там ремесленник с суровым лицом заглядит швы липкой дрянью «герметик» — и получите заказ.

— Но хотелось бы испытать водотечность на мойке, бомбардир-у струями...

— Может, в вакууме еще испытать? Либо рентгеном? Товарищи очередь, гля, это из-за него вы мурыжитесь, он вас тормозит. Птица какая! Будто и не «Жигули» ремонтировал, а «Олдсмобил».

И снова стоите вы за воротами с котом в мешке. И сразу в хвост пристраиваются два комсомольца и один беспартийный — для совершения благородного поступка. Ибо ясно, что человек с таким лицом, как у вас, предпримет вскоре попытку либо повеситься, либо топиться.

Уж на что, поверьте, плохое дело — покупка слесарных тисков, а и тут вам умельцы всучат кота. Тиски, висячий замок, рояльные петли, мясорубка — всякая такая вот всячина густо обмазана пушечным салом и обернута в станиоль. Вас начисто и дальновидно лишают возможности проверить товар у прилавка. А дома, сведя на обтирку консервационного сала тую ветоши, вы обнаружите косые губки в тисках, непроворот рычага мясорубки, и с садового насоса отлетает тотчас же вентиль, на котором

проштампован Знак качества. (Автор предлагает заводам-изготовителям Знаки качества штамповать только на шарообразных деталях. Уж если такая укатится, то ее вовек не найти, а стало быть, не будет клиент паскудить доброе имя завода.)

Неприятный создается настрой. Безверие и скепсис выпирают из потребителя. И уж твердо он знает, что в пакете купленной фасованной ветчины скорее всего только сверху лежит собственноручно ветчина, а ниже замаскированный ею загадочный моток сухожилий, кроссворд для бульдога.

И ныне привык, твердо знает клиент, что сто тысяч котов в пакетах и банках преподнесет ему индустрия фасованных товаров. Вообще строго приказано этой индустрии штамповать на пакетах, банках, на крышках, когда произведен продукт, будь то молоко, майонез, краска, тушенка, клей, мусс... Но все время тут страшная закавыка, отчего эти буковки, циферки по стране самые трудноразличимые. То чернильная смазанность, то недовольство в жесте — словом, санскрит и сплошная индийская гробница. И еще хорошо, если вы рыболов. Тогда купленный вами сырок в золотой бумажке (дата — смутно, внешний вид — вспученный) годен для разведения в нем опарыша.

Но также на рыболова есть кот в мешке. Заказывает семейство Трифоновых из села Зилаир в «Посылторге» крючки и лески — и получает в мешке сногсшибательного кота: две коробки духов «Подмосковные вечера» и гигиенический товар «Мойдодыр».

Конечно, такие казусы сплошь и рядом меняют судьбу людей. Пошел бы, получив крючки, младший Трифонов на рыбалку, поймал густеру, умер в должности мастера по выделению канифоли из еловых пеньков.

А получи он вместо крючков «Мойдодыр»? Вы даже представить не можете, во что это вдруг да вылетится! Скажем, вымоет Трифонов шею, пойдет в публичную библиотеку, осилит там монографию «Подводные лодки во второй мировой войне» — да и сдас на военачальника. Это — ого!

И, видимо, из этих соображений кругом ширится мешкование котов, а за ним — всплески рук получателей, повороты судеб и расстройство пищеварения до тех известных пределов, когда пищевод, от природы односторонняя магистраль, превращается в магистраль двустороннего движения.

И тут, начиная за упокой, а в финале все же вывернув проблему во здравие и позитивное русло, хочется выхлестнуть напоследок слова укора и гнева. Обрушиться на профанаторов движения «Кот в мешке», убивающих главное — элемент неожиданности при распаковке тары. Да, именно вам позор, объединение «Ликеро-водка» и Казбекский производственный комбинат. Что же это ва «Лимонная настойка» вашего выпуска, какой же тут кот в

мешке, когда алкогольная общественность после вечернего запрета только и рыщет по магазинам за вашей «Лимонной», твердо зная, что под ее этикеткой вы маскируете обычную водку?

Мы, товарищ «Ликеро-водка», за чистоту движения и идеи. Заметьте: наши коты никогда не ходят уголовной тропой. Бывает, сбудут такого Ваську, тысяч на восемь тонн, миллионов на двести ценою, а под уголовщину это дело не подведешь. Такова непреложная этика изготовления, мешкования и сбыта ущербных котов, товарищ кавказская «Ликеро-водка», тем более, что вопрос — может ли человек, родившийся на Кавказе, наблюдать без вреда для здоровья полярное сияние? — до сих пор не выяснен научно-исследовательски.

Хранить вечно

Никогда, а также из принципа не включит автор данное сочинение в писательский свой архив. Пусть хоть этот малый поступок будет авторским вкладом в борьбу с накоплением бумаг в стенах жилищ.

Наш горожанин обрастает бумагами куда интенсивней, чем даже жирком. Наш горожанин обречен на хранение непробойных толщ актов, полисов, договоров, квитанций, справок, обязательств, повесток, ордеров, счет-фактур, доверенностей, нотариальных копий, гарантийных писем, чеков.

Да будь так же распространена вера в бога, как прежде, немалые трудности встали бы перед населением. Ибо какая божница — извечное на Руси хранилище документации — могла бы вместить мой документальный архив или, скажем, архив Романовской? Нету такой размерности у божниц, и давно уже в шифоньере отведена под эти дела одна секция и один выдвижной ящик.

И надо, надо хранить. Тяжко бывает наказано легкомыслие нехранивших.

У автора была бабушка. Она почилла. И вот сгладились пики первоначального горя, и села семья разбираться с архивом покойной. Ах, какие тут хранились бумаги со старорежимных времен! Счета от домовладельца. Зеленщика. От шляпницы Эти Барац. Счета от конфекции Мюра и Мерилиза. Все пожелтело и тронулось тленом. Словом, черт-те что и сбоку бантик. И, очиняя быт, автор совместно с бабушкиными аннулировал тук своих личных квитанций.

Расплата последовала. Вскоре по почте пришли грозные письма Центросвязи. Где автор в 1976 году извещался, что Центро-

связь вспомнила за ним должок по 1971 году на сумму 5 руб. 94 коп. И дальше все, как полагается: за неуплату ваш телефон будет срезан.

Но позвольте! Как же я теперь установлю, звонил ли я в неведомый город несколько лет назад? И почему тогда же, несколько лет назад, не прислали квитанции на оплату?

А вот не прислали — и все. Так было удобно Центросвязи. И вот вы возмущаетесь, а как раз для подобных случаев маленький текстик на телефонных счетах обязывает: «Сохранять в течение трех лет».

Но по какому праву обязывает? Почему надлежит хранить головоломные кипы листов? Что за нечеткость работы звоньев?

А вот нечеткость — и все.

Поэтому хранят. Лязгают скоросшиватели «Экспромт» и «Момент», лязгают дыроколами, складывают в папках с ботиночными тесемками, скрепляют скрепкой в виде дамской руки или канцелярской скрепкой не меньше пятого номера бумажную ахию. И раздаются голоса: надо, надо хранить, надо обрывать бумагами.

Отсюда картинки: стоит очередь в магазине химреактивов. Все люди, как люди. Стоят чинно. Нету выкриков: «Вас тут не стояло!» — и: «В одни руки куда столько хапнул?»

Споро продвигается очередь, но вот доходит она до гражданина Савелова. Чем взвинтил очередь тов. Савелов? А не тем он ее взвинтил, что купил килограмм эмали «ПФ», банчок эпоксидной смолы и остропахнувший тюк клеенки. Тем возмущил очередь тов. Савелов, что украл у людей восемь минут времени двадцатого века. Ибо потребовал он от продавцов на все и на вся выписывать копии чеков: на «ПФ», на банчок, на клеенку:

— Документик хочу иметь!

— Да на кой вам?

— Может участковый прийти. Спросит: откуда смола и вообще.

— А он откуда дети — не спросит?

— Он может спросить, но тоже справки наличествуют.

— Вы, гражданин, ерундите с этим обрастанием справками. Есть же презумпция невиновности.

— Презумпция — это дело неосязаемое, а квитанция — в ней шорох, и она документ. Дает гарантию.

И ушел подшивать листы чеков в домашний архив.

И на всякий случай подшил таганрогский гражданин Спиридонов, поселенный в камере хранения промежуточного аэропорта, такую квитанцию: «Принят на хранение гр. Спиридонов, с ним еще два места, жена и дочь». Подшил он. Мало ли что.

Вдруг потребуют оплатить через три года камеру, как «люкс» с белым роялем и дубовым альковым.

И гражданка Махонина, уже хранящая в весовом выражении столько бумаг, что вполне они могут обеспечить остойчивость корабля «река — море», приплюсовала еще одну бумагу к архиву — гарантийный талон ателье № 55, который предписано свято хранить, что застолбляет право за владельцем талона когда-нибудь спать пальто. И вот только графа «Дата выдачи» оставлена совершенно пустой, а просто подмывает заполнить эту графу в талоне словами:

ХРАНИТЬ В ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ И ВЕЧНО.

И гражданке бы Романивской куда приятнее копить дома бумаги в виде произведений классиков. Дюма, знаете ли, Сервантес, Шолохов, Рабиндранат, Тагор. Но нету места для них, совсем другими бумагами, хранимыми вечно, съедается кубатура квартиры.

Как была ввергнута Романивская в такое житье? А так же, как все мы, но в кинологическом преломлении: посетила Романивская с дочерью выставку собак в населенном пункте Гвоздево. И вертлявый человек у входа на выставку, вертлявостью напоминающий птицу на ветке, так что было даже странно видеть его без червяка в клюве, звал покупать билеты на выставку, потому что они являются как входными, так и лотерейными, и на один билет падет выигрыш — элитный щенок эрдель-терьер.

Бы правильно догадаться: дочь Романивской выиграла щенка. Билет обменяли на квитанцию, обещали через две недели выдать девочку для вручения приза.

Так и не вызвали. Неоднократно с бережно хранимой квитанцией ходила тов. Романивская в собаководческий клуб. Это было чистейшее простодушие, простодушие того сорта, когда считают, что раз у горы есть подошва, то должно быть и голенище.

— Нету, — всякий раз говорил Романивской главный клубный собаковод и обращал на нее ясный взор с младенческим дефектом зрения, отчего правый глаз смотрел влево, левый — вниз.

— Нету щенков. Суки прохолостали.

— Но сколько еще нам хранить эту квитанцию? Почему бумаги годами висят гирей на шее? Почему мы тотчас не очищаемся от них? Почему так сложна схема жизни?

— Храните! — горячо сказал на все это собаковод. — Должно сбываться. Надо хранить.

И стояло за этим:

В ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ!

За хвевраль в хвеврале

В мусоропровод, шахту лифта, фрамугу окна кричу:
— Отмежевываюсь! Отрекаюсь!

Признаю: было дело — дурил. Каждое сочинение старался задумать, как вечное. Корпел, филигранил остроты. Вставлял тожности жизненных наблюдений (перед зарплатой человек всегда ругался с женой, чтобы создалась обстановка для неотдачи и пропития жалованья).

Боролся с фельетонными ГОСТами (чтобы не кончалось сочинение нудным словом «Доколе?»). Боролся с редакторами, хотящими врываться в авторский текст — как завшивевшая неправедная армия в город. Самоусовершенствовался. Так сказать, «рос над собой», как учил полузащитник Серебряников и вообще ход истории.

Потому что свербило: надо интеллигентней писать. Ведь давно отошло всеобщее четырехклассное образование, невеликий вкус читательской публики. Восьмиклассное отходит. Десятиклассное настаёт!

Десятиклассному не потрафишь, всучая за юмор название женсовета — бабком. Натура он тонкая, от кино требует показывать леодоход в музыкальном сопровождении арфы.

И подпираешь челюсть то левой рукой, то правой, мозгуешь, как угодить читателю, спрядаешь технологию оболыщения читательской публики — ан нет ничего, и сидишь, вперясь в темень окна, наблюдая постепенное засыпание жилмассива в Старокопюшенном переулке.

Вот, вроде, и есть смешное, сюжет для небольшого рассказа, как киномеханик привез в село передвижку. И был киномеханик хитер, разумел, что фильм препаскудный, и решил рекламировать его особенно броско: не клеить афишу на дверях магазина, а прилепить с двух боков поросенка, который от страха облетел все село. И верно, все село повалило на фильм, ха-ха-ха, только был тот фильм без финала, потому что brave сельские псы от нетипичности вида и шустроты порвали того поросенка, и поросенков хозяин взял финал фильма в жестяной коробке, встал, вроде, как дискобол, и вдарил финалом механика в темя: варнак, что бы тебе для рекламы колхозного поросенка использовать?

И уже накреналось к бумаге перо, как вдруг заискрила мыслишка: ой, оплюют и сюжет и писца. Ведь, простите, быдловатый получится смех, негуманный, не под тем вовсе углом, и как раз в сильно печальном разрезе надлежит рассматривать происшедшее.

Ну, и вроде бы, удавалось в результате литературных бдений и вахт рассматривать факты для тебя, просвещенный новый читатель. И путем этих бдений лавры снисканы кое-какие. Даже был в преддверии какого-то увенчания. И две тысячи страниц фельетонов в тумбочке. И читательская почта по этим двум тысячам. Приятнейшая почта была. Вроде, надобен, полезен народу, и даже звали гостить в Харьков, пить чай.

Но не быть словеснику в Харькове. Не поеду, переверните чашку вверх дном. Словесник в сомнениях. Под вопросом вся правильность прежней жизни.

Ибо письма пришли нетипичные, что «у нас попугаев таких, как А. Моралевич, уже больше, как много достаточно». Плюс «низкопробность и вредность содержания».

Прислал и земляк, москвич Куликов: «Не к лицу писать такую неуважаемую продукцию, да таким еще вычурным языком, труднодоступным для хороших трудящихся масс».

Хотелось завять. Окрыситься. Заявить, что из писем этих вот граждан торчит то же самое, что наносит на окна в гор-транспорте:

НЕ ВЫСОВЫВАТЬСЯ!

Не любят многие граждане, когда кто-то торчит лицом из общей шеренги, высовывается, частично непохож на соседа. Нечего высовываться, будь ты хоть токарь, фельетонист, рудознатец.

Только клюнул ручкой в бумагу — дать отповедь, — как письмо А. Холода из Барнаула: «Не много ли Моралевичи на себя берут?»

И письмо из столицы от гражданина Куделина: не понравился ему просто до перехвата дыхания фельетон «К источнику света». «Сам тон фельетона вызывает серьезные возражения», «Вымученные извозчицки остроты». «У автора написано: «Пельмени после шести не купить в магазине», — это отдает прямой на-тяжкой».

И не понравилась Куделину в этом фельетоне некая докторица, которой до лампочки состояние больного, которая с порога, не вымыв даже перстов, пользуясь концом зонтика вместо ложечки, велит больному: скажите а-аа! Не встречал в своей жизни Куделин ничего подобного. Пельмени после шести у него в магазине — всегда, даже почти круглосуточно, а уж с докторицей — «не может советский наш доктор быть таким невнимательным. Прочитал я об этом — до чего омерзительно лживый пример. Будто с чаем муху проглотил».

Спрашивалось в фельетоне: где выход? Что нам делать с людьми, чьим принципом в жизни стал принцип «до лампочки»? На вопрос был ответ: надо высвечивать этих людей, посту-

пать с ними жестче. Ибо нам не дожидаться от них перековки на добровольных началах, и не выйдут они к нам, как в финале известной оперы выходит Хозе со словами:

— Арестуйте меня!

И пишет Куделин редакции: «Отказать в сотрудничестве в журнале подобным моралевичам (опять множественное число, до чертей, надо полагать, моралевичей стало, полный журнал). Читатели восприняли бы это с облегчением и доброй улыбкой».

Нет, уже не было гнева. Смущение настало в душе моралевичей. Ведь еще вот письмо, по фельетону «Животные в городе»: «Вы тут пишете, что вызываете огонь на себя. Требуете от государства и власти узаконить платоническую любовь к собакам и кошкам. Боюсь, вы сгорите. Нам для жизни надо только разум. разум и разум. Наши дети, прадеги стриглись, любили животных, но в церкву с собой не брали. Вы опираетесь на ученых, а среди ученых есть много чокнутых и обезьян».

И другой написал, аноним: «Злобная писанина предводителем городских животных. Ты сам от них далеко не ушел».

И еще от Петрова из донского Ростова: «Черный пасквильант без проблесков объективности. Где доброжелательство сатиры?»

Именно: где?

Оттого я кричу: отмежевываюсь! Отрекаюсь! Кругом неправ, стою я пред тобой. Побоку вас, бывшие единомышленники, а ныне, как выяснилось, — чокнутые и обезьяны ученые. Долой ледоход, арфу, публичные библиотеки. Ну-тко, сморкнемся пальцем да и вытрем яво об водосточную какую ни есть трубу. Слогом простым слагаю стихи:

Я — не я. Душа — пар.
Пар — двигатель.
У Маши — шары. Рама
Души мала. На раме шрам,
А я марш в рамки!

Должен же кто-то обслуживать духовно категорию в десять диких, дремучих персон? Вот я и буду. Обоймемся, предтечи и братцы. Шоколадок фельетонных вам нанесу. За это меня извинит общественность: каких только осложнений не бывает после нынешних гриппов! Покончу с витанием, осяду на землю. Как говорят в Аэрофлоте, «ваш самолет пошел на снижение».

И брат вы мне ныне, Караулов из Красноярска, проняли меня стыдом. Чего же вы пишете: «На ответ не надеюсь»? Он вот он я. Вот он я и теперь признаюсь: был у меня сложносочиненный, бесовский был фельетон «Из варяг в греки». О бедах севе-

рян, проводящих на юге отпуск, был тот фельетон. Отрекаясь от него совершенно! Ибо имелась там фраза: «Пустой самолет взлетает над ними и, блеснув золотинкой в старательском лотке, пропадает неизвестно куда».

Вот пишет товарищ Караулов в ответ на это — где изучал жизнь автор? Где наблюдал желтые самолеты? Полсмежа в ответ такому автору. И автор глумлив, что видно из фразы: «Диспетчер такси, скромный заиндевелый герой...»

Я сдаюсь, Караулов. Я ваш. Любовь до гроба. Нету желтых самолетов! Не заиндевелый и не герой диспетчер такси! Долой стилистику письма, и детализовку, и всякое знание, в том числе знание, что в торговой среде обращаются друг к другу «радость моя», а в профсоюзной и спортивной — «лапуля».

Образованность эту и иронию заносим ныне в чулан, показывать боле не будем. Я твой, Караулов, называй меня на «ты», я твой, как автор и задушевный певец, я выразитель твоих взглядов на мироздание, о друг моего детства, вечный четырехклассник. Я не выйду боле за рамки и сложнее не выпишу текстов, чем этот:

*Квартиробъемщик!
Квартиру плати за текущий
месяц в текущем,
то есть за хвевраль в хвеврале!*

Инертен, как аргон

У Аркадия была фамилия Кожа. Имел он возраста двадцать один год. Аркадий был чемпионом страны по академическим отпускам и отсрочкам. Внешне атлет, в организме он все время имел неполадки: то с ликвором, то с печенью и билирубином, то с глазным дном, то с полусредним ухом.

А. Кожа стоял на набережной, облокотясь о гранит, и был

первой ласточкой. Ему никто не говорил, что он первая ласточка этого вида, а сам он не знал.

«Вот баржа по реке плывет издалека,— подумал наш Аркадий.— А вот речной трамвай!»,— взгляделся он и также не ошибся. А время шло за полдень.

«Пора бы и поесть»,— решил Аркадий. И он пошел домой, попутно созердая: вот здание возводят или дом; вот в «Мерседесе» дипломат проехал — крепить или, возможно, разрушать; мороженщица катит свой рундук, от углекислоты на солнце валит дым, продукция, должно быть, не раскиснет; а вот мотоциклист летит стремглав, тючками мотоцикл увешав «Яву» и даму на багажник водрузив. Безумица, как села ты за спину того, кто в толстых диоптрических очках? ГАИ, конечно, тут дала промашку, что разрешает править мотоциклом подобным типам,— наломают дров.

И лишь открывши холодильник «Минск» вместительностью в двести двадцать литров, отвлекся наш Аркадий от созерцания несовершенства мира. Да, вот бобовый суп и кроличье рагу, вот яблоко, оно из ВНР. Вкушайте яблоки, источник витаминов. И он съел яблоко, поскольку, как известно, перед употреблением ни забалтывать не надо яблоко, ни греть, а только мыть. Но пренебрег Аркадий гигиеной, предельно верил он в свою звезду, как будто состоит звезда его всецело из энтеросептола.

Так съел Аркадий яблоко, затем он бросил взгляд на стол и на сервант. Досадная забывчивость родителей: вот снова, уходя к себе на службу в учреждения, забыли хоть бы рубль оставить сыну. На рубль такой рачительный, как он, сумел бы время скоротать весьма неплохо. Взять лодку напрокат, размять на веслах мышки, ну посетить ВДНХ, там познакомиться кой с чем из достижений в различных отраслях. Довольно интересно.

Но не было рубля. А. Кожа с отвращением сел в кресла: пусть хоть бы телевизор позабавит.

И сразу он попал на интервью. Московский слесарь, сверстник Кожы. Зубов, в очках с диоптрами, пространно говорил, что он доволен жизнью и работой. Что он женат, имеет дочку Женю, студент-заочник, он теперь намерен в компании друзей с завода и женой на мотоциклах штурмовать Памир, еще не покоренный никем из москвичей на мотоциклах.

«Да-да,— подумал Кожа,— это он на мотоцикле «Ява», весь в тючках, промчался мимо, за спиной — жена. Сплошные шизики. Гордыня распирает. Им постоянно надо тягаться с кем-то и превосходить. А разве это кончится добром? Чудовищная неспокойность в людях. Да, надо, надо не забыть за ужином сказать родителям об этом Зубове, заочнике в очках. Пусть знают, до че-

го им с сыном повезло. Как хорошо, спокойно как для них, что я последовательный неучастник в кипениях, борениях, страстях, а только незлобивый созерцатель с приемом пищи по три раза в день».

Увы. За ужином краснодеревщик-папа хоть деликатно, но затер волынку о гордости и прочей там бодаге, которая присуща быть должна. Что молодому человеку так приятно — стоять на собственных ногах, внедряться в жизнь и чистыми носить жене за двести, скопить на мотоцикл или на байдарку, на кинокамеру, махнуть с женою в глушь и там, с обрыва свесясь головой, жена отснимет фильм из жизни рукокрылых, членистоногих, кистеперых, жвачных.

— Ты посмотри, Аркадий, — молвил папа. — Кругом работа. Горение и увлеченность. А ты до сей поры праздношатель, начисто без стажа. Попробуй же себя. Ведь ты такой могучий. Так широк в груди. Какие легкие! С такими взять трубу — от губ держи мундштук хоть за полметра, а выдуешь мелодию любую. Не хочешь слесарем — не надо, не слесарь. Есть много экзотических профессий. Я узнавал. В модельно-швейной фирме есть штат людей. Задача: носить все модное, что думают внедрить. Проверка на практичность и на носкость. Прояснить в час «пик» вагонами метро... В дождь быть обдаваем с ног до головы водой из-под колес автомобиля...

— Затем развить проверку ткани и фасона и броситься под тот автомобиль, — с известной горечью парировал Аркадий. — Сказал бы сразу, что имеешь мысль любым путем избавиться от сына. Чем я плох вам? Мама! Я хулиган? Стою в подвезде с финкой? Я пьян? Фарцовщик? Урка? Бич? Я низменный игрок на деньги в домино по скверам? Никоим образом, и вы ли за меня когда-нибудь краснели, волновались? Влипал ли я в истории когда? Никоим образом. Я просто созерцатель. Так дайте созерцать мне. Жить, переводя свой орган зрения с предмета на предмет. Опять же я считал: в эксплуатации не так уж я и дорог. У Ерофеевых собака сенбернар. На сорок на рублей съедает пес за месяц. Прончищевы владеют «Жигулями». Машина в месяц стоит девяносто. А я? Считайте, что в эксплуатации у вас ну нечто среднее — с капотом «Жигулей» и задом сенбернара. Неужто вам не по карману это? Я требовал когда-нибудь штаны с клеймом из кожи «Lee»? Я требовал дубленки из Канады и сбрую горнолыжника из Штатов концерна «Белозвездный»? Нет. Я, созерцатель, в запросах более чем скромнен. Не требую пулярок, индустрией довольствуюсь пельменей и курточку ношу из чесучи, как папа Карло. И с вашей стороны, с родительской, жестоко меня, неустоявшуюся личность, выталкивать в какую-то там жизнь. Вот в странах капитала — там и то считают совершенно-

летними лишь тех, кому перевалило за двадцать один. Тогда за что ж вы для меня боролись? Завоевали что? Вы, граждане социализма, должны бы посрамить капитализм, установивши совершеннолетие не ранее, чем после тридцати. Пускай с меня бы и начали это. Я активно «за».

Родители смолчали. Мама Кожка, ставя блюда на ребро в сушилку, не почерпнула смелости сказать, что присмотрела сыну две работы, неплохие. Одна в известной фирме «Заря: выгуливать собак, пока хозяева находятся на службе. На свежем воздухе со сдельною оплатой води себе собак на поводках. И набега-ет стаж, и ты не захребетник, и созерцай себе широкий мир окрест, и к праздникам подарки от хозяев...

Он не пойдёт. Ведь от собачьей шерсти его замучит электризация одежды.

Вторая же работа — в сфере муз. Всего два раза в месяц, верком на пушке из папье-маше, с зажженным факелом (балет «Пламя Парижа») быть выкаченным к рампе. Коснувшись факелом запала, вызвать выстрел пиротехническим составом ликаподий.

Не пасть Бастилии. Не сядет он на пушку. Администрация театра потом потребует задействовать статиста в спектаклях современности, а там одна опасность тяжких травматизмов. То льют на сцене сталь, то дизельные ездят большегрузы, то плющит что-то восьмьтонный пресс.

— Да, мама, — сказал Аркадий Кожка, коснувшись мамы рукою вялой, как капустный лист. — Я мямля. Тюхтя без запросов. Я бесстрастен. Я созерцатель наших достижений. Копилка фактов. Так словно быть лежачим камнем, пнем с глазами. Я так люблю вот эту нетревожность, стабильность бытия. Похожесть дней «вчера — сегодня — завтра». Сажу в квартире около окна, смотрю, как в гастроном привозят булки, мороженые туши, кавуны, смотрю на поливальные машины, и если вдруг да в двери позвонят, спрошу: «Кто там?» И вор уйдет, коль был за дверью вор, услышав бас мой. Вот так недорого я, а сколь полезен. Я по карману вам, а вы мне — по душе. Пойду-ка, что ли, сон посозерцаю. Да если смржете, на завтра дайте рубль. С рублем пойду на двор, свое прёветрю кредо, пошаркаю ногами по асфальту, брошу взгляд, но близко ни к чему не подходя. Инертен и нейтрален, как аргон, не затешусь я ни во что, не вклинюсь. Таков я. Вокруг моей вращающейся шеи — воротник. Его диаметр — сорок. Возьмите пятьдесят — и уж начался мир: карабканье человека в люди. Все — суета. Я с миром квит. Истории не липли бы ко мне, ну, а уж сам я ни во что не влипну.

Отрезание ломтя

В неустойчивые погоды прошлой зимы транспортом надземным, равно как и подземным, молодая москвичка объезжала магазины Москвы на предмет покупки свистка.

Широк в столице свистковый ассортимент. Покупательнице предлагали: псовый охотничий рог, подманный пищик на рябчика, дудку боцманскую, дуду путевого обходчика, судейский свисток.

Но все это было явно не то, и, просто отчаявшись, молодая москвичка подошла к представителю службы ГАИ, и представитель, хоть и сам острее нуждался в свистке, отдал его женщине, ибо ей свисток был нужнее. Он был нужен ей для жизни с родною мамой. А именно: возвратившись с работы, наша землячка вешала на шею свисток вместо кулона, чтобы, спасаясь от матери, без промедления можно было свистеть на подмогу милицию.

В сочинительстве морально-этических очерков главное не отрезывать человеку путей для возврата в общество. Привлекается для этого, как прием, некая неразглашенность, этическая секретчинка и вуаль, отчего герои именуются усековенно: «инженер Я-ий», «скотобоец О-ов».

Морально-этический очеркист не допускает и мысли, что кто-то из сограждан негоден к возврату в общество. Надо только дать согражданину шанс, надо только взяться покрепче, бороться, бороться за человека — и вот на некоторое время отлученный от города, отчасти даже пропащий как личность, он войдет в свой город преображенным, и впереди мотоциклисты добровольных спортивных обществ на шестах повезут его поясные портреты, и даже разразится кампания за установку мемориальной доски над воротами некоего химкомбината:

ЗДЕСЬ ПРЕОБРАЗИЛ СВОЮ НЕТРУДОВУЮ ПСИХИКУ К-ИН!

Не будет этого. К-ин не преобразит. И, нарушая каноны, во спасение тех членов общества, которыми мы дорожим, и для бесповоротной изоляции от общества чуждых ему элементов — огласим фамилии полностью.

Итак, женщина со свистком — молодая мать, библиотекарь Ирина Саврасова.

Л. Саврасова, ее мать — пропойца.

И. Мишустин, костолом — возникает эпизодически.

Теперь о людском сострадании. Много лет сострадание к девочке Ирине Саврасовой проживало в бревенчатых темных барачках:

— Саврасова Ирка опять у крылечка дрогнет. Небось, мать на улицу выгнала. Небось, опять в загул шибанулась.

И верно, и уже выводила возмутительная колоратура на фоне сиплого мужского гудения различные заплачки и жалельные песни про шумение камыша, Хас Булата, про засорение волжских вод персидскими князьями.

Истово гуляла мамаша Саврасова, начисто вымывая из мозгов самый краеугольный инстинкт — инстинкт материнства.

И округа, глядя на несчастную судьбу изгоняемой из дома девочки, бормотала в запальчивом сострадании:

— Сей минут лишить родительских прав такую-то мать!

— Добрых людей не осталось, а то бы удочерил кто Ирку. Ведь ладная какая девушка. И умна как, умна. Нет, надо пойти заявить. Где это сей минут лежал у меня шарф, погода сильно лютует.

Так прокатились годы. Никто никуда не пошел. То запропастится шарф, то еклинится срочное латание крыши, гоньба клопов, то многосерийные происки телевидения держат на месте.

А города растут быстрее, чем общественное сознание. И однажды в кривую улочку, сотрясая ее дизельным ревом, втиснулся механизм со стальным ядром на конце стрелы. И коммунальное сострадание переселилось из деревянных хибар в благоустроенность новых домов.

Ах, как удобно было здесь сострадать из окна пятнадцатого этажа! Какая обзорность! И дальность видения!

— Гля, Ирка Саврасова в райжилотдел хлопотать побежала. Неужто так и вселят ее с матерью в однокомнатную квартиру? Ну, не звери сидят в РЖО, войдут в положение.

— Э,— говорил новый наблюдатель,— она уже в райисполком бежит. Видать, не вошел в положение райжилотдел. Вот грянуть бы туда всем домовым комитетом, спросить бы: а ценна ли вам, товарищи жилраспределители, судьба будущей матери, у которой зримо аж с пятнадцатого нашего этажа различается линия?

Но не грянули опять никуда. То лифт остановлен на профилактику, то надо идти в больницу удалять лишний позвонок в шейном отделе позвоночника (развился от кропотливых просмотров черно-белых и цветных эпопей).

И в жилищных инстанциях, долго не чикаясь, дали Ирине Саврасовой однокомнатную квартиру для совместного проживания с матерью.

Это был ад. Это стало больше чем адом, когда мамаша на пункте сдачи бутылок познакомилась с гражданином, ловко сбывшим среди прочей посуды иностранную бутылку из-под пойла «Абу Симбел».

За таким мужчиной не пропадешь. Лихим этим поступком сразу покорила сердце женщины Иван Мишустин, бывший блистательный морской волк, бывший преподаватель английского языка в прославленном институте, ныне подонок.

И они пошли с пункта в квартиру Саврасовой, сложив мелочь от сдачи бутылок из двух кулаков в один, и Ивану Мишустину для обольщения дамы потребовалось даже меньше звуков, чем тратит чиж на обольщение самки.

Первым делом Ирина Саврасова была выброшена на постоянное жительство в кухню. Затем были пропиты все ее казенные и личные книги. Затем все остальное. Затем квартира превратилась в шалман для лалания жидкостей под названиями «Гоме-ра», «ликер-шасси», антифризов, лосьонов, одеколонов, туалетных вод, жидкости «Свет» для помыва окон, клея БФ и напитка «кошечка ля-мужичок» (самогон).

Словом, как бы замок царицы Тамары переместился на Большую Ишуньскую улицу, «и страшные, дикие крики всю ночь раздавались там».

И утром, когда особенно давали знать себя печени, одетые камнем, сказал как-то Иван Мишустин:

— У меня постоянно болит левое полушарие мозга. Я знаю, это потому, что твоя дочь живет слева, в кухне. Надо очистить от нее помещение. У меня есть запал ее выкинуть.

— Ваня, — сказала робко сожительница. — Чьи же книги и проездные троллейбусные билеты мы будем тогда пропивать? Более того — возможна милиция!

— Мне неведом страх, — ответил Иван Мишустин. — Страх у человека может быть только один: если на водку введут поли-этиленовую тару, будет нечего сдавать в пункт приема.

И железной рукой Мишустин выбросил на лестницу лишнего человека в квартире.

Вскоре, конечно, в дверь постучал участковый, блондин, мастер самбо, справедливек и знаток английского языка в пределах пятого курса вуза. Ужасно, но даже все эти качества участкового не помешали Мишустину замусорить весь подъезд официальными пуговицами и клочками погонцов представителя власти.

Закон не прошел мимо этого факта. Когда избивают библио-текаршу — совсем одно дело, но когда участкового...

Три года работ на Большой Химии получил Иван Мишустин,

где был приставлен осваивать то ли пеноуретан, то ли супер-фосфат.

Но странное это дело — химия, взять хоть органическую, хоть неорганическую. Выдворенный на уретанную перековку асо-циальный тип по непонятным широкой общественности причи-нам — в виде ли поощрения или плохой надзор? — эпизодиче-ски отпущался к месту жительства. С удивлением признаем, что многие «химики» то и дело с работ прибывают на побывку в Москву. Так возникал в Москве на пл. Маяковского запойный буян Ю. Поливин, одержимый идеей пустить юшку сантехнику Ксенофонту.

— Горожанина, — говаривал во время розыска Ксенофонта Ю. Поливин, — по зубам-то смазать много любезней. В сельской местности население чистит зубы небрежно, как дашь по зубам, так и руки гниют.

И примерно такие же цели влекли в Москву Ивана Мишу-стина.

Тяжкие страсти душили бывшего маримана, проникшего в го-род. Все вызывало в нем отвращение: эти толпы выраженных людей, омерзительных неалкоголиков и чистюль, отягощающих себя тьмой запросов, исканий, тогда как запросоискание у чело-века должно быть только одно и только с утра, а также раздра-жало Ивана Мишустина выражение лиц этих московских граж-дан, явно прикаянных в жизни.

Гулким шагом прошел Иран к шестьдесят девятой квартире и пнул ногой дверь.

— Нет ничего, — сказала женщина из соседней квартиры.

— Где? — спросил Мишустин Иван.

— Ирина на работе, а ВАША отбывает пятнадцать суток за избивание дочери.

— Нда-с, — сказал Мишустин Иван. — Родной очаг забила сажка. — И, выломав дверь, разгромил квартиру и с чувством удовлетворения поехал суперфосфатить.

После этого Ирина Саврасова больше не решалась приходить в свой собственный дом. Не из боязни за собственную жизнь — из боязни за жизнь родившегося ребенка.

И бурно страдала Большая Ишуньская улица:

— По знакомым мыкается с грудным-то дитем. Вот те и охра-на материнства.

— На принудление эту бандитскую мамашку надо ложить. Ага?

— Она, Ирина, приходит как-то к ней, говорит: мама. Ребен-ком своим вас прошу: дайте согласие на размен жилплощади.

— И?

— Естественно же, не дала. Кукиш, тебе, говорит, с сивушным

маслом. В коммуналке, говорит, меня сразу скрутят, я здесь же душу из тебя вынимать спокойно могу. Опять же, вдруг в коммуналку возьмут да поделят дворника, и он начнет там сушение валенок? У меня, говорит, к дворникам идиосинкразия, а от валенок аллергия.

— А власти что? Исполком, милиция, прокуратура, нарсуд? Принудительно бы заставили запойную разменяться.

А нету у властей столько решимости. Сочувствие, сострадание к Саврасовой-младшей у властей налицо, но никак — что немедленно полагалось бы — не воплощаются они в административные меры. А вдруг Саврасова-старшая не полностью отрезанный ломоть? Вдруг воспрянет, встряхнется, может, выступит по рабочим клубам, читает лекционную пропаганду: «Как я порвала с пороком»? Так что уж вы, Саврасова-младшая, еще поскитайтесь маленько с младенчиком. Что же до Ивана Мишустина, то Иван вас пальцем не тронет: в семимиллионном городе при скитальческом образе жизни вы вполне затеряетесь, вероятность вашей встречи с громилой Иваном равна не то что одному — двум нулям.

Пимен, Сергей, Аристарх

Да, отборовшись в течение дня, сидя в лоджии, глядя на высотный город вокруг, с большим человеческим теплом и знанием предмета любил он помыслить. И, смежив веки, вызывал он мысленно образ крестьянина Пимена и думал о нем.

* * *

Баба Секлетьинья сидела в избе и что-то сучила. В подпечье чesались куры. Прел на загнетке кот. Пахло карасином из лампы. Хозяин, скотник Пимен, сидел на лавке. За распояской был у него оселок, на столе же перед хозяином стояла в плошке тертая редька. Жуя редьку, оселком Пимен мыслил точить косу. Имелось у Пимена горе. Отбивать он любил косу перед заточкой на рельсе, в который бьют набат при пожаре. Вот тринадцать уж лет отбивал он косу и тринадцать раз получал от сельчан березовой каши за зряшний сигнал пожара.

Еще у Пимена было бельмо, в волосах полова, лучковая пила была, навойник, колун, самовар, омшаник, нетель и свинья супоросная. Кочет был и семь кур русско-пестрых.

В бога Пимен редко ругался: хромала на селе атеистическая пропаганда.

Не курил Пимен. Боялся тоже грозы.

Еще имел: застреху, подпол; непрерывку-кино не любил, а любил он показ частевками, чтобы, покуда механик заправляет новую часть, можно было обмозговать, про что была часть до этого.

Перед городскими был Пимен маленько уцербен. Из городских слов знал: трынвай, комбикорм, изолятор, спецовка, атмосферный осадок.

Полюбить мог только раз-навсегда. Полюбил телятницу Секлетинью. Дети были лицом без подмеса в Пимена. Потом перешли с пюстышек на тюрю.

Пимен верил в нечистую силу и огни на болотах.

Дома все ладил сам.

Пимен банился по субботам. Банился истово. Приоткрывши дверь курной бани, кричал жене Секлетинье:

— Секлетиния! А ить ишо Суворов учил: солдат, если у каптера для тебя после бани не нашлось вина, продай белье, а выпей. Неси, или што?

И когда приносила Секлетинья — выпивал, крикал и говорил:

— Пьешь — вода, зажжешь — горит!

И гарным маслом фабрил волосы, расчесав на пробор прямо.

* * *

Приятно было после крестьянина подумать о городском труженике заводов и фабрик. Труженика звали Сергей, жену его — Алла.

* * *

Работал Сергей на заводе. Трудился по четырнадцатому классу точности. Слов знал много: припуск, посадка, обтюратор, люнет, гипoidная шестерня, трансмиссия, обтекатель, консистентная смазка.

Знал игру на баяне. Играл навеянное конкретным случаем. От коллектива не отрывался. Стригся коротко. Ходил в дружину. Ездил на массовки. Труссы носил длинные из сатина, плавал по собачьей. А Алла была сверловщица-револьверщица. В самодеятельности пела Иоланту из «Иоланты». Сергей был однолюб, но все не решался.

Алла была десятка не робкого. В аванс спела при всех:

Мы с тобою не дружили
Ни зимою, ни весной,

Но, поскольку ты в дружине,
Ты постольку только мой!

Пожились в получку. Сергей бриться стал каждый день. Порезы заклепывал папиросной бумагой или заслюнивал.

Чуждых веяний, что пошли с фильма «Чайки умирают в гавани» и выставки картин художника Пикассо, не любил.

Галстуков не носил. Любил блузу. Косоворотку.

Дома все ладил сам.

Курил, но готов был бросить. Курил «Памир». Окурки заплывал. Состоял членом общества озеленителей, другом птиц, доктором, нормы ГТО сданы.

Связь с деревней — боялся грозы. Деревенские слова знал: суперфосфат, пуд, берега, хата.

Детей растил династически: как и он — токари.

На досуге выжигал по дереву профили начальника цеха, жены и детей.

В доме отдыха тосковал: спешил вернуться в родной коллектив.

* * *

И как приятно было, подумав о крестьянине и рабочем, подумать об интеллигенте. Звали его Аристарх. Он был художник-вывесочник.

* * *

Издавека Аристарха всегда принимали за стул с висающим на спинке его пиджаком. Аристарх, чего не могли Пимен с Сергеем, мог мыслить абстрактно и отвлеченно. Грозы Аристарх не боялся. Имел подписку на журнал «Новый мир», плавал кролем, плавки, притом югославские. Курил запоем «Вечерние». Окурки гасил сухим способом в пепельнице.

Дома ладить ничего не умел, приглашал леваков за бутылку. Жаловался:

— Не за горами старость. У пожилых художников еще только когда пропадает восприятие на фиолетовый цвет, а у меня уже пропадает.

Из сельских слов знал: боронование, день год кормит. Из городских производственных слов был знаком со словами: ИТР, пересменка.

Имел раньше жену. Платил алименты. Имел дочь от первого брака. Но уже встречался с Ларисой, студенткой юрфака. Студентка юрфака приходила на свидания со свистком под пуловом: вдруг случится насилие, и тогда она засвистит.

Взяв ее за руку, говорил художник-вывесочник Аристарх: — Знаете, Лариса, новорожденному китайцу возраст числится сразу в год. Приплюсовывается внутриутробный период. — Ужас вы какой рассказываете! — говорила Лариса.

* * *

Так приятно было думать о них — крестьянине, рабочем и интеллигенте. А также предполагать с большим человеческим теплом и знанием душ крестьянина, рабочего и интеллигента, чего они каждодневно чают.

И он в лоджии, редактор газеты Есипов, думал о них, и думал о том, как завтра еще строже велит корреспондентам не перегружать читателей заумью. Писать надо на простого человека и просто. Мы должны быть понятны широким массам.

Последний раз он был в массах двадцать семь лет назад.

Чем вы платите за проезд?

Тут нечего доисследовать, приставать к людям с вопросами и в блокнотик кропать наблюденное. Просто признаем: теперь нам почти неизвестные люди, досуг которых заполнен ковырянием в носу и глядением в потолок, на котором видны следы небрежного обращения с кранами верхних жильцов. Признаем, что сутки нашего современника расписаны и уплотнены до предела.

Это хорошо. Прежде, скажем, это было свойственно Максиму Горькому, главным и генеральным конструкторам, папанинцам, космонавтам. Теперь же любые категории граждан (узелки на память больше не вяжутся — всеобщая грамотность) с вечера пишут реестрики на завтрашний день. Это для памяти, чтоб не забыть. И стараются уложиться в график, сверяясь с каракулями: «17.27 — купить сухие дафнии. 17.50 — подписка на Дж. Лондона. Иосифов — мразь. 19.10 — лекция доц. Зигеля «Внеземные цивилизации и пришельцы». 21.15 — доругаться с женой. 22.00 — подготовить письменный отпор отделу озеленения. 23.20 — читать «Завтрак для чемпионов». 1.30 — звонить Иосифову, пожелать доброй ночи».

Плотные, очень плотные πιшутся графики суток. И, к сожалению, часто смещаются, ломаются графики. Ну, например, гражданин планировал, что номера потенциальных подписчиков на Дж. Лондона будут татуировать на ладони, как вдруг кто-то вносит и все поддерживают предложение писать номера также и на ступне, и разувание стоящих в очереди съедает лишние сорок

минут, весь график летит в тартарары, и никогда уже вам не услышать тревожных сообщений доц. Зигеля о высадке пришельцев из космоса в Кунцево и на платформу Усово в 21.14 по местному времени, так что на электричку пришельцы все равно опоздали.

И люди борются, всеми средствами люди стараются не выходить из графика. Но кое-что в их силах, а кое-что — нет.

Где проводит увлеченный и страстный наш гражданин большую часть своего свободного времени?

Наивные скажут: если человек одержим шахматными идеями, он проводит почти весь досуг в шахматном клубе на Гоголевском бульваре. А отчаянный рыболов инженер Червяков проводит весь свой досуг вмерзши в лед возле лунки, на рассвете вырубает себя изо льда и спешит на работу. А геолог, скажем, Савельев одну шестую часть жизни простоял в очереди к теннисным кортам, все же не теряя надежды к концу одиннадцатой пятилетки достояться и сыграть пару сетов.

Неверно так думать. Это вульгарный подход — думать, что, раз увлечен человек чем-либо, так и времени он распыляет больше всего. Не так это, крайне не так.

Тогда где он его распыляет? Некоторые закричат, изображая на лицах твердое знание: «В очередях, в очередях!»

Нету за этим истины. В архив беспочвенную точку зрения! А вот где распыляем мы время, вот где трещат наши графики — в приемных лиц официальных и должностных.

Ну, вы знаете эти приемные. Закуток. Лавки. Или скамьи. Или, поднимай выше — кресла. Стол. Телефон, издающий звонки так часто, будто тут проводят физиологические опыты по системе академика Павлова. И секретарша. И на кожаной двери таблица:

ПРИЕМ ГРАЖДАН ПО ЛИЧНЫМ ВОПРОСАМ В ЧЕТВЕРГИ ОТ 13.00 до 13.27

Не исключено, что в каком-нибудь Бибирево, в Орехово-Борисово, на платформе Бужаниново сидит отдельный товарищ и верит: он придет в четверг к 13.18, будет принят, обласкан и выслушан в 13.19, затем потопает по своим делам.

Верьте, наивный. Хотя все мы знаем: ни за что так не будет. Поэтому мы, знатоки, еще в среду начинаем отпрашиваться в своем учреждении, чтобы завтра к 7.00 пойти на прием в другое. И нас понимают. Науке и литературе не известен ни один такой факт, чтобы кто-то не был отпущен.

Для чего идут на приемы люди? Понятно, вовсе не для того, чтобы попасть на прием и сказать главврачу «Скорой помощи», что сидит за столом по ту сторону в креслах:

— Знаете, просто не мог удержаться. Вот пришел вам сказать

как москвич москвичу: смотрел короткометражную хроникалку-документалку «Туркменские пастухи» — и это такая прелесть, такая!

Так не за этим идут на приемы люди. А как раз идут с жалобами и предложениями о перестройке того и сего там и сям. Например, идут заявить, что частная автомобилизация еще как следует не налажена, но общественный транспорт уже старается не работать.

И на что же люди наталкиваются? На отсутствие того, кто должен принимать, выслушивать людей от сих и до сих.

И начинается великое сидение, так что даже и немнущиеся ткани дают слабину, отчего вы сразу узнаете сидельца по пузырям на коленях. И через какие-то пятнадцать минут впадают граждане в ожидательный анабиоз такой глубины, какой вам не наблюсти даже у анадырских авиапассажиров, вторую неделю ожидающих рейс на залив Креста. И сквозь дрему, смежения век и клевания носом пробивается секретаршин голос, разъяренный по телефону подругам и небезразличным мужчинам, где: обезблосить говорящего попугая, обслужиться у приличной портнихи, как измерить кровяное давление при помощи нитки, линейки и золотого кольца...

— Гражданочка,— несмело вступают в разговор некоторые из отчаянных.— Ну когда ж он нас примет?

Гражданочка строго говорит: неизвестно. Вызван в верха.

И снова длится сидение на скамейках в приемных. И мысль бытует одна: только б дождаться. Пусть не душевного начальника, пусть не чуткого, пусть разговаривающего с посетителями в пределах общения проводника со служебной собакой: «Апорт!», «К ногам!», «Сидеть!», «Стоять!», «Фу!», — но только б дождаться, успеть все выложить в сжатой до телеграфности форме.

А как же часто не дожидаются! И едет человек домой в пустом, стильном гортранспорте, день весь пошел псу под хвост, и другая одолевает мысль: доколе будем терпеть мы жонгльж нашим невосполнимым временем? Ведь это какой-то вечный двухминутный штраф, наложенный на широкие слои населения!

Наигеный, конечно, скажет: все нормализуется. Возможно, к столам всех тех, кто в приемные часы должен сидеть на месте и принимать население, присобачат скобки с железным браслетиком для обхвата лодыжки.

Или: нудную обстановку приемных оживят, пропилят панорамные окна, внедрят раздачу в бумажных стаканчиках тонизирующего напитка «Саяны» за счет учреждения, поставят кокосы в кадках, на столах разбросают ребусы, и вдоль стен — топчаны с облучением лампами «горное солнце».

Или (вариант идеальный): принимающие граждан начальники вдруг возьмут и зауважают время принимаемых граждан, неуклонно начнут соблюдать часы приема и дни.

Мало, как мало верится в это во все.

Оттого так глупо выглядит замысловатый вун, объясняющий очередной свой невыход на работу тем, что молния попала в сцепку вагонов метро, отчего полпоезда осталось в туннеле. Какая же, говорят ему, молния — и в метро? А он говорит: шаровая, скатилась по эскалатору — и в туннель. А ему говорят: получи строгача.

Но зlostному из зlostнейших прогульщиков и ленивцев, когда он прямолинейно и незамысловато врет про двухсуточное сидение в приемной у зава райфо верят, и безгранично. И тем же обеляет свой поздний приход в семью преферансист, или гражданин неустойчивого морального облика, или загульные по пьяному делу и др.

Долой же идеализм! Пока суд да дело, пора самим принимаемым позаботиться о себе. Хватит тупых сидений в приемных. Займемся повышением кпд ожидания. Есть положительные примеры, товарищи. Один гражданин, дожидаясь в милиции выдачи нового паспорта, к моменту его получения проштудировал кораблевождение, ныне плавает штурманом по Волго-Балту с нефтетружками первого класса. Трое, упорно мечтая пожаловаться на некачество подбивки штиблет, так и не добились приема, но выучились лопотать по-инострannому. В переводах одного из троих скоро выйдет академическое издание Шиллера.

Только тут ключ к успеху. А также — в миниатюризации всего производственного. Тогда автосборщик ЗИЛа свободно сможет отпрашиваться в какую угодно инстанцию. Там, в приемной, он раскроет чемоданчик-балетку, разматывает на коленях конвейер и, глядишь, пока до него дойдет очередь приниматься — выдаст пару самосвалов на экспорт.

От этого дела страдает, конечно, выручка на гортранспорте. У миниатюризации есть свой минус. Ведь по рассеянности тот или иной человек расплатится за проезд то завалявшимся в кармане между мелочью блюмингом, то хлебозаводом. Но это, будем надеяться, в систему не перерастет.

Над вечным покоем

Нет. Никогда. Ни за какие коврижки.

Схватив клещами автора за язык, упираясь ему ногою в живот — все равно вы не вытянете из него ни строки об искусствах. Спаси, сохрани и помилуй.

Тогда как прежде было здоровье и был запал. Был свой пись-

менный стол в молодежной редакции, и в этом столе было столько клопов, что ключи в замках не провернешь.

И были в то далекое время два разнузданных трио с гитарами: «Лос Мазутнос проездос» и «Вос Марьинос рождос». Это были срамные полулегальные трио, и концерты они всегда давали в клубах, что расположены по ту сторону Окружной московской дороги:

Ах, билитенцые вычурдела,
Дро бумажничко ховело! —

пели шесть занюханных личностей, подкопченные паяльной лампой до цыганской кондиции.

И с каким удовольствием было бахнуто по ним фельетоном! Как сладко было помыслить, что не выйдут более два трио в просцениум «бацать» четку и визжать, как кишки в блокаду.

Да, распались два коллектива, распались, волшебна сила печати. Но через сутки, как вышла газета, в тот единственный самый холодный час ночи, когда птицы засыпают на гнездах, два кирпича и булыга влетели автору в комнату, причинив кой-какие уронь. То они, «Лос Мазутнос проездос» с «Вос Марьинос рождос», давали прощальную гастроль критикану. Ах, милые, славные люди! Теперь осталось только мечтать о таких неприемлющих и несогласных.

Нет, уже два года спустя куда более изощренные меры, чем разбитие стекол, применяли солисты и коллективы к сочинителям фельетонов.

И проживал в столице один актерский дефицитный талант. В сфере искусств перебивался он тем, что озвучивал икание на киностудиях при дубляже иностранных неореалистических фильмов. И семья его очень гордилась, что папа делает киноискусство. Папа тоже гордился, и на этой почве бесчинствовал в общественных местах и в быту.

Ах, не трогать бы его. Обойти. Сочинить бы хвалу про драматургический триптих «Проснись и пой!», «Садись и ешь!», «Встань и иди!». Сочинить бы и жить — как люди, с правом на уважение и покой.

А нет, не хватило ума, разругал дефицитный талант. И пришло двадцать шесть коллективных писем: «Мы, поклонники светлого дарования. Ю. Анального возмущены»...

И белым днем заявился в редакцию атлет в целлулоидной шапочке «Тур-де-Франс», в рубаше с карманами сзади, словом — велосипедный гонщик и олимпиец.

— Вообще, — сказал он редактору, — мне от этих дел ни жарко, ни холодно. Я человек здоровый, нормальный, у меня реакция на темноту вполне тоже нормальная, мне в зале свет погаси, так я сразу засну, но зачем моего брата обидели? Бросили тень за-

чем? Других разве нету мер, кроме гробить статьями? А человек теперь умом повредился: я с тренировочной езды как приеду, так он сразу берет бидон, к велосипеду садится и доит его в бидон за инструментальную сумку, будто велосипед есть коза, и уличивает его: «Машка, Машка»...

И как же дорого обошелся автору данный редкий артист! Сколько заступников за него отыскалось! И как вскоре удалось доказать, что мозг Анального — в полном порядке, а велокоза — всего лишь штуккарство и недостойные трюки.

Обязательно надо выносить уроки из жизни. Некоторые не выносят — и вот отрезают себя от широких слоев знакомых, и вот они — интеллектуальные бобыли, и никто не поздравит их с праздником на открытке «В честь 150-летия изобретения крепостными крестьянами братьями Дубиниными нефтеперегонного куба».

Скажем, отрешиться бы по-мудрому от этих рецензий, от фундо-басов и либретто, а писать насчет экономики. Любо-дорого это, и без промедления приходят ответы на фельетоны от советских хозяйственников, без неуклюжих и неспортивных выкручиваний: «Обсудив фельетон «Дорогу человеку с улицы!», коллегия Министерства станкостроения сообщает: факты, приведенные в фельетоне, подтвердились. Министерство принимает меры:...»

И далее твердые пункты: 1, 2, 3...

Это в сфере промышленности, транспорта, добычи ископаемых и морепродуктов.

Но никогда, ни в жизнь не подтверждаются факты, если пишете вы об искусстве.

Вы ударите по сестрам Монгольфье и еще каким-то Эсфири Тац с Ольгой Грас (филармонические блекотуны, эксплуатация долготерпения слушателей), — но не дожидаться вам кирпичика в окно или: «Факты, изложенные в... подтвердились». Стекла будут все в целости, но доставит редакционная почта эпистола: «Напрасно филармоническая общественность города Уникального надеялась на квалифицированную оценку местных творческих сил представителем столичной прессы. Автор истратил свою потенцию на посещение уникальненских значных мест, в алкогольном дурмане не найдя даже времени посетить филармонию».

И зря бедолага автор с блужданием во взоре и дрожью в запястьях сядет сочинять докладную, сбиваясь на дикий делопроизводительский стиль:

«В свете сообщенного обо мне руководителями филармонии гор. Уникального сим извещаю, что сообщенное обо мне является голым вымыслом. В состоянии трезвости мною проведены исчерпывающие беседы с руководителем филармонии Ермиловым-Дюбуа, членами худсовета Цилей Габбе и Кондаковым. Беседы про-

изводились как раз в помещении филармонии, десятый этаж Дома учреждений, правое крыло, комнаты 947, 948, 949. В комнате 949 в клетке висит птица (щегол), в машинке «Башкирия» буква «ы» западает, ножка дивана передняя правая отсутствует, заменена как подпорой трудом К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве». В шкафу стоит латунный венок с гравированной надписью «В дань уважения». Цилия Габбе наверняка бреет под носом. Более добавить ничего не имею».

Да. Все ясно. Он был трезв и со всеми имел беседы. Он исполнил свой долг. Но ничего под рубрикой «Меры приняты» не появится во след фельетону. И долго еще будут забрасывать автора по телефону и почтой кизяками и всяческими гуано почитатели и тайные члены семьи Ольги Грас и сестер Монгольфье.

И зря автор будет ходить, по привычке всматриваясь в голубины искусства: ба, это что за поветрие? Что за соавторство такое настало для классики: Легар — Артамошин, Коровьев — Бабель, Булгаков — Шегера. Как не стыдно привешиваться современным товарищам? Все-таки Легар — это вам не трамвай, переполненный в час пик!

И только сядет, только перышком упрется в бумагу словесник — тут навалются на него сомнения. Заметим — не беспочвенные сомнения. Кое-чему уже жизнь научила, вышколила. Ведь такая поднимется буря, такие силищи выставят против словесника, от таких невероятных людей раздадутся звонки и упрашивания, что еще три года спустя будет автор делать свои этюды, наброски на обратных сторонах рецептов успокоительных средств седуксен и элениум.

Тут само собой он одумается, возьмется за ум, начнет лопатить экономические аспекты, и увеличится приток денежных средств в обносившееся его семейство, и лишь по вредной инерции остро все примечать он скажет себе: погляди, до чего певец Н-ский предприимчив, находчив! Вот и голос пропал совсем, а он не уходит со сцены, перешел на актуальные куплеты. От находчивости он рассуждает: эти вещи сколь плохо ни пой, все равно разругать не посмеют, и продлишь этим самым свой певческий век безразмерно. Так находчивый нищий, подбирающийся в дни хоккейного чемпионата в хоккейный шлем, наберет подаваний значительно больше, чем коллега его, собирающий просто в руку.

Но тут встрепенется и вздрогнет от диких ассоциаций, от возможных параллелей бывший критик искусств, поднимет парусом воротник и убыстрит шаг, чтобы попасть на симпозиум «Оптимизации умственного труда работников горячих цехов». Хочется, знаете ли, тиши и глади, и просто тошно иногда вспоминать, что подробности — в афишах, билеты — в кассах.

А. Моралевич — В. Г. Белинский

СОДЕРЖАНИЕ

Назначьте классиком	2
Берегись юза	6
Из шомполки без охулки	9
Кота в мешке	16
Хранить вечно	21
За хвевраль в хвеврале	24
Инертен как аргон	28
Отрезание ломтя	32
Пимен, Сергей, Аристарх	36
Чем вы платите за проезд?	40
Над вечным покоем	44

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ МОРАЛЕВИЧ

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Редактор Р. Т. Киреев.

Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 9.02.78. Подписано к печати 31.05.78.
А 09074. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л.
2,10. Учетно-изд. л. 3,05. Тираж 75 000. Изд. № 783.
Заказ № 1818. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.